

родческого элемента; не рассмотрена его роль в создании государства и народности. Все это взяла на себя, славянофильская школа. Для нашей цѣли будетъ достаточно, если мы разсмотримъ важнейшія мнѣнія славянофиловъ, писавшіе по русской исторіи.

§21. Славяно-фильская школа.

Н. С. Аксаковъ, Ив. Дм. Блжновъ, Лешковъ и Коляловъ.

Библиографія:

Щенгеровъ. Критико-біографическій словарь. Самая обстоятельная біографія Н. Аксакова.

Пальмовъ. Памяти Колялова.

Въ литературной дѣятельности этихъ людей мы и обращаемся. Общая характеристика трудовъ этихъ ученыхъ уяснить намъ происхожденіе ихъ выводовъ. У славянофиловъ три основные тезиса: народность, самодержавіе и православіе; на нихъ, по ихъ мнѣнію, покоится зданіе русской исторіи. Эти элементы у нихъ являются органическими, а не случайными; все проявленія одинаково составляютъ сущность русской исторической жизни, нельзя ни одного изъ нихъ вычеркнуть. Привлеченіе народностью въ 20-хъ и 30-хъ годахъ было противодействіемъ западному направленію, выразившемуся въ особенной силѣ въ Московскомъ кружкѣ, основанномъ Станкевичемъ и известномъ подъ именемъ кружка Станкевича; это западни-

ческое направлѣніе дошло до крайности въ мѣ-
цѣ Бѣлинскаго и Грановскаго и вызвало
реакцію въ членахъ того же кружка и, меж-
ду прочимъ, въ Аксаковъ, который сдѣлался
лучшимъ выразителемъ и шавою славянофиль-
ства. Громадное вліяніе на складъ славяно-
фильскаго міровоззрѣнія Аксакова имѣли
многія условія его личной жизни. Жизнь
въ деревнѣ, среди условій деревенской приро-
ды, очень богатой въ той мѣстности, зна-
комство съ деревенскими бѣтлами, идеа-
лизировавшаго привели Н. Аксакова къ мысли
о необходимости русской точки зрѣнія въ наукѣ,
заставивши его воздвигнуть народность въ рус-
ской исторіи. Н. Аксаковъ замѣчаетъ, что
русскую исторію начали разрабатывать
нѣмцы (Шлецеръ, Байеръ и др.), которые не могли
отрываться отъ своихъ національных
предубѣжденій. Погодинъ, Соловьевъ пошли
по стопамъ нѣмцевъ. Погодинъ шелъ по сто-
памъ Шлецера, Соловьевъ по стопамъ Эверса
(относительно внутренняго вѣка русской исторіи).
Ни тотъ, ни другой не разрабатываетъ
вопроса о народности. Это игнорированіе
народа въносило въ то, что носило Петров-
ской реформы порванасъ связь между выс-
шимъ и низшимъ классами народа. Низшій
классъ сохранилъ и до сихъ поръ до-петров-
скія черты своей народности, а высшій слой
отрвался отъ народной почвы и пошелъ
по ложному пути; указавъ черты своей
народности. Такова попытка нашей
времени, замѣчаетъ Аксаковъ / т. е. 20^х 30^х и

50^х годовъ). Въ русской народности славяно-
 фрии открываютъ такія черты, какихъ не су-
 ществуетъ у народовъ западныхъ. Но, откинувъ
 далѣе констатированія этихъ особенностей
 русскаго народа — русскій славянскій судъ
 предоставилъ православію востру, а на западѣ
 всюду господствуетъ католицизмъ или отщип-
 нѣ его — протестантизмъ, и нужно признатъ-
 ся, говорятъ славянофилы, что правда у насъ,
 а на западѣ ложь. Православіе полагаетъ
 единство церкви въ совокупности всѣхъ людей,
 соединяемыхъ однимъ дуhomъ, католицизмъ
 въ лицѣ одного человека (который исключаетъ
 изъ общаго органическаго закона развитія, т.е.
 считаетъ непогрѣшимымъ), а протестан-
 тизмъ — въ лицѣ каждого человека въ от-
 дѣльности, т.е. каждый индивидуумъ со-
 ставляетъ церковь. Приблизительно западной мнѣ-
 нию, что христіанство западное, возвернув-
 шее на Римской почвѣ, подпало вліянію
 языческой древности, и католицизмъ явился
 отраженіемъ христіанства въ латинской
 представленіи. Германскіе народы, приняв-
 шіе римское христіанство и римскую обра-
 зованность, приобщились тому же искаженію
 религиозныхъ понятій. Въ католицизмѣ удер-
 жались понятія о церкви, обряды и догма-
 ты, но подъ вліяніемъ практическаго нача-
 ла, преобладавшаго въ западномъ развитіи,
 это понятіе тѣмъло и осуществилось въ
 формѣ государства. Идея единства церкви
 чужда монархическому правленію, характеру
 вселенской церкви и каждаго до понятія

о всемирномъ преобладаніи, пропаганда при-
нята характеръ завоевательнаго стремленія,
а германскіе народы, внесшіе въ жизнь нача-
ло личной независимости, выказали протесъ.
Въ католицизмъ члены церкви были поставле-
ны не въ церковь, а надъ ней, т. е. были поддан-
ные главы ея — папы, представляющаго символъ
церкви. Разницу между католицизмомъ и
православіемъ развивали Мв. Пирьевскій и А. С.
Хомяковъ. Въ нашемъ русскомъ народѣ и исто-
риѣ существуетъ еще одна коренная черта,
отличающая насъ отъ западныхъ государствъ
— самодержавіе. На западѣ общество вышлѣ-
вается въ двѣла государства, что составляетъ
чрезвычайный недостатокъ, по истинѣ славяно-
фильству. У насъ государство и народъ некон-
чатъ и развиваются, какъ двѣ независимыя
и различныя силы и никогда не сливаются.
Государство пригласяетъ народъ для совеща-
ній (въше). Народъ, высказавши свои мнѣнія,
опять уходитъ, оставляетъ государствен-
ную двѣлу. Главнѣе образомъ, въ сѣ формаль-
ной правды на западѣ, въ сѣ договора
между обществомъ и государствомъ, выказы-
вающего недовѣріе къ монархической вла-
сти, — у насъ существуетъ внутренняя прав-
да; нами въсѣ не ограничивали верховной
власти.

Біографія и Характеръ ученой двѣ а-
тельности А. С. Аксакова.

А. С. былъ старшій сынъ известнаго литера-
тора Сергія Тимофеевича Аксакова.
Онъ родился 29 марта 1817 года въ селѣ

Аксаков (оно же - Багрово въ „Семейной хроникѣ“) Бузурусманскаго уезда Оренбургской губернии. „Здѣсь К.С. прожилъ до 9 лѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ багровскими крестьянами, которые, благодаря благодатнымъ климатическимъ условіямъ богатаго Оренбургскаго края, въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніи сдѣлали выше зажиточнаго крестьянства другихъ частей Россіи. И такъ какъ Константину Сергѣевичу отпущаясь необыкновенно раннимъ умственнымъ развитіемъ, то нѣтъ сомнѣній въ томъ, что, именно, изумительскіе условія, среди которыхъ прошло дѣтство будущаго восторженнаго проповѣдника необходимости единенія интеллигенціи съ народомъ, и обусловили въ значительной степени оптимистическій взглядъ его на возможность этого единенія“. Первымъ, наставникомъ Конст. Серг. былъ его отецъ. Въ 1832 году К.С. поступаетъ на словесный факультетъ Московскаго Университета, который переживалъ критическій моментъ, переходную эпоху, когда начиналось болѣе серьезное отношеніе къ наукѣ. Терапевты произойти и въ профессурѣ, и въ студентствѣ. „Студентъ изъ бурна превращается въ молодого человека, поглощеннаго высшими стремленіями. Трежніе патриархальныя нравы, когда московскіе студенты шавнымъ образомъ занимались пѣвнствомъ, буйствомъ, задираніемъ прохожихъ, наконецъ начинаютъ отходить въ область

преданий. Правда, еще въ годъ вступленія Аксакова въ университетъ, студенты забавлялись тѣмъ, что устраивали нѣкто-раннихъ профессоровъ такихъ, напримеръ, шучки: пронесутъ подъ полой воротъ въ аудиторию и затѣмъ, когда профессоръ выйдетъ въ паркъ, выпустятъ его; воробей примется летать, а студенты, будто внѣ себя отъ негодованія, съ шумомъ и гамомъ повскачутъ со скамеекъ и начинаютъ ловить по всей аудитории нарушителя порядка." По времени пребыванія въ университетѣ Н. Аксакова относятся „образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно связанное съ кружкомъ молодыхъ людей, восторженныхъ и честныхъ, сходившихъ затѣмъ, чтобы выяснитъ себѣ вопросы правдивныя, философскіе, политическіе". По времени К. С. образовалось два такихъ студентескихъ кружка, сплотившихся чрезъ нѣсколько лѣтъ въ одинъ „кружокъ Станкевича". Въ тѣ годы (1833—1840), когда Н. Аксаковъ, находясь подъ неограниченнымъ обаяніемъ высокой душевной красоты Станкевича и страстными порывомъ къ святу бѣлинскаго, шелъ рука объ руку съ людьми, съ которыми имъ впоследствии вступило въ ожесточеннѣйшую борьбу, эти люди съ какою-то, по истинѣ, фанатическимъ увлеченіемъ предались изученію тѣмъ же философскимъ вопросамъ и Гегеля въ частности." Молодежь кружка о философіи Гегеля постоянно, проводила якобыко ночи иногда въ

спорахъ о какомъ нибудь вопросе. „Люди, любив-
шіе другъ друга, расходившіеся на чужій недъ-
ли, не согласившіеся въ опредѣленіи „перехва-
тывающаго духа“, принимали за обиды лич-
ныя объ „абсолютной личности и ея по себѣ
бытіи.“ Въ нитожныя брошюры, вы-
ходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ
и уездныхъ городахъ, нѣблизкой философіи,
гдѣ только упоминалось о Гегель, выписы-
вались, зачитывались до дыръ, до паченъ, до
паденія листовъ, въ нѣскольکو дней.“ „Въ ряд-
ду этихъ энтузіастовъ гегелианскаго одно-
изъ первыхъ мѣстъ по снѣ приверженно-
сти къ ученію Берлинскаго философа зани-
малъ К. Аксаковъ, страстная натура ко-
торого не уныла ничего дѣлать на поло-
вину. Гегелианскаго, впрочемъ, настолько про-
но въ немъ зашло, что еще долго после то-
го, какъ онъ совершенно разошелся съ друзьями
по кружку Станкевича и съ такими же по-
ломъ боролся съ ними, какъ нѣкогда шелъ
заодно, онъ, все-таки, не могъ отдѣлаться
отъ схемы твора діалектической филосо-
фіи. Какъ, фальше мы увидимъ, что ма-
гистерская диссертация К. Аксакова,
относящаяся къ 1846 году, т. е. къ тому вре-
мени, когда онъ уже былъ однимъ изъ пе-
редовыхъ застрѣльщикова славянофильскаго,
является по основной задачѣ своей не болѣе,
какъ иллюстраціей къ ученію Гегеля о снѣ-
нѣ историческихъ эпохъ и наслоеній.“

Отношенія кружка къ существующему по-
Рус. Исторіографія. 21. лекц. проф. Багалъ. Листъ 32.

рядку, взгляды на Россию, носившіе сначала по-
 жителенный характеръ (такъ называемое пра-
 вое гегелианство, проповѣдующее, что „все суще-
 ствующее разумно“), принявъ потомъ, по сло-
 вамъ самого Аксакова, „большую часть отри-
 цательное“ направленіе. Со смертію Стан-
 кевича (около 1840 г.), мягкая натура котора-
 го уравновѣшивала противорѣчивыя стремле-
 нія членовъ кружка, скрытый оппозицион-
 ный духъ этого кружка выходитъ наружу,
 и особенно резко выразился въ Бѣлинскомъ, ко-
 торый отъ праваго гегелианства крутно по-
 воротился въ противоположную сторону;
 съ отъѣздомъ его въ Петербургъ (1839 г.), Акса-
 ковъ все болѣе и болѣе началъ сблизиваться съ
 Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Самаринскимъ; „преж-
 ніе друзья обмѣнялись нѣсколькими резки-
 ми письмами и навѣки разстались. К. Акса-
 ковъ пошелъ направо, Бѣлинскій — лѣво. По
 каждому изъ нихъ при этомъ сердце кровью
 обливалось.“ Разрывъ между этими близки-
 ми друзьями былъ неизбеженъ по самому ха-
 рактеру ихъ духовной натуры: оба они бы-
 ли фанатиками своихъ мнѣній и, при раз-
 личіи пониманія вещей, должны были разо-
 ниться въ противоположныя стороны.“ „А по
 натурѣ жидъ“ — писалъ Бѣлинскій по пово-
 ду своей ссоры съ Аксаковымъ, подражая
 подъ этимъ словомъ человека съ исклю-
 чительными симпатіями, которому ненави-
 стно все не свое, который не выноситъ ни ма-
 лѣйшаго компромисса съ „филлистерства-
 ми.“ Но такимъ же жидомъ по натурѣ

был и Н. Аксаков. Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только свою истину, только ту истину, которая отражена въ любезной ему увлеченности; онъ тоже не понималъ никакихъ-бы то ни было компромиссовъ, уступокъ, соглашений. И вождь почему оба президиума друга играютъ одну и ту же роль въ тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они окончательно примкнули послѣ разрыва. Съ такою же необузданностью, съ какою, неистовый "Цезаріонъ" выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, Н. Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболее крайнихъ проявленіяхъ. Жизнь К. С. очень бедна внешними событиями, онъ не былъ прилежнымъ ученымъ; онъ всецѣло былъ поглощенъ своими книжными занятіями и всю жизнь свою велъ въ высшей степени идеалистично. Вотъ какъ описываетъ его Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Н. Аксаковъ въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока съ лишнимъ лѣтъ, т. е. до самой смерти своей, совершенномъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной жизни, безъ поддержки сѣмейства. Въ своихъ литературныхъ и ученыхъ занятіяхъ онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца и пропавшая отъ этого перемѣна въ домашнее быту вдругъ слатила его несо-

кручинное здоровое. Онъ не могъ пережить этой потери и перемены, и умеръ не только холостякомъ, да еще двѣсвѣтникомъ." При такомъ характерѣ жизни Аксенова, біографія его должна разлагаться въ его литературныхъ и ученыхъ занятіяхъ. Его научно-литературная дѣятельность начинается еще на студенческой скамьѣ, и какъ прилично такому идеалисту-стихотворцу. Загвоздъ онъ участвовалъ въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ и Бѣлинскій: въ „Телескопъ“, „Молвъ“, „Московское Наблюденіе“. Въ 1838г. Аксеновъ поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ всего 5 мѣсяцевъ, и возвратился обратно, вѣроятно въ полномъ нецѣлѣмъ житействѣ самостоятельно. Эта поездка прошла для К. С. почти безслѣдно. Отъ нея сохранился разсказъ о томъ, какъ онъ во время пребыванія своего въ Берлинѣ въ первый и послѣдній разъ пытаясь сблизиться съ женщиною. И здѣсь онъ поступилъ какъ крайній идеалистъ. „На перекресткѣ одной изъ берлинскихъ улицъ обратила на себя его вниманіе молоденькая продавщица цвѣтѣвъ. Милосвѣдное лицо нѣмойки повѣдалось ему отраженіемъ столь же привлекательной души. И началъ онъ каждый день приходить на перекрестокъ и покупать по букету, останавливаясь при этомъ скарать продавщицу нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ. Продавщица ласково ему отвѣчала, и между ними установилась жѣзвѣстная интимность. Ободренный молодой

человѣкъ началъ все долѣе и долѣе простаивать у прилавка продавщицы, началъ приносить Шмелера и читать изъ него наиболѣе возвышенные и трогательныя думы мѣста. Чѣмъ болѣе внимательнѣе слушалъ чтеніе и все болѣе и болѣе задумывался во время его. Восхищенный Аксаковъ съ восторгомъ наблюдалъ это впечатлѣніе высокой поэзіи великаго поэта. Что вотъ въ одно изъ посвященій цвѣточной лавочки продавщица ему прямо заявляетъ, что Шмелеръ — Шмелеромъ, а что она ей обязана покупателямъ, что объ его продолжительныхъ посвященіяхъ много говорятъ ее — слышавъ, что если онъ захочетъ продолжать знакомство, то ей было бы желательнѣе получить отъ него что-нибудь посущественнѣе стиховъ, за что, въ свою очередь, она, не требуя отъ него наложенія на себя никакихъ условій, готова всецѣло отдать въ его распоряженіе. Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи управлѣній съ неба прямо въ луну идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки, и когда впоследствии пріятели, узнавши оъ немъ въ минуту откровенности всю исторію, пробовали дразнить его ею, лицо Аксакова переканчивалось отъ внутренняго страданія. Въ 1847 году Аксаковъ защищалъ диссертацию о Ломоносовѣ, которая при печатаніи была, однако, сильно урезана цензурой. Въ то время, въ 1848—1855 годахъ, цензура отличалась сильнымъ притириваніемъ, доходившимъ часто до смѣшного. Причиной этому были тогдашніе со-

бытія въ западной Европѣ (1848г.). Цензурныя
 строгости долго преслѣдовали и Аксакова.
 »Желая снѣтсѣя съ народомъ не только ду-
 ховно, но и наружно, К. Аксаковъ рѣшилъ, что
 ему слѣдуетъ принять вѣнчанный народный об-
 ливъ. Для этого онъ одѣлъ на голову мур-
 манку, нарядивъ въ рубашку съ косымъ во-
 ротомъ и отпустивъ бороду. Съ послѣд-
 нѣмъ до 1848г. ничего предосудительнаго не
 вышло. Но почти съ первыми же вѣсями
 о февральскихъ, мартовскихъ и проч. рево-
 люціонныхъ событіяхъ началось у насъ гоне-
 ніе на бороду. Обильная растительность
 на головѣ, большая борода и длинные во-
 лосы были очень модны въ 1848 году въ про-
 грессивныхъ и революціонныхъ сферахъ Ев-
 ропы. И вотъ, благодаря этому, поимен-
 но бороды воспрещаются. Съ тѣмъ многими дру-
 гихъ К. Аксакову черезъ полицію было предва-
 жно, чтобы онъ сбрилъ бороду. Въ 1852 г. былъ
 возобновленъ «Московскій сборникъ», который изда-
 вали Влѣкнофилантъ. Тогдашній министръ
 народнаго просвѣщенія Мишинъ-Михи-
 ловъ счелъ направленіе сборника предосуди-
 тельнымъ и наложилъ, что «хотя народность
 и составляетъ одну изъ главныхъ основъ наше-
 го государственнаго бытія, но развитіе понятія
 о ней не должно быть одностороннее и безуслов-
 ное; иначе безотчетное стремленіе къ народ-
 ности можетъ перейти въ крайность и выль-
 сть пользы принести существенный вредъ.» Это
 замѣчаніе было сдѣлано по поводу 1-го тома,
 а второй томъ сборника былъ уже имъ за-

прецедентъ. Московскій цензурный комитетъ на-
ходился, что К. Аксаковъ „подобно Хомякову яна-
рится отыскивать въ сказкахъ и пьесахъ
признаки того же, небывалаго въ Россіи, об-
щественнаго порядка дѣлъ. Но кромѣ того Чл.
Аксаковъ указываетъ на мѣста, гдѣ Соловей-
разбойникъ называетъ великаго князя воромъ,
богатырь Мугаринъ Зипевинъ цѣлуетъ вели-
кую княгиню въ уста сахарныя, а Ямша
Поповичъ цѣлѣе не называетъ ее сурою.“ Сборникъ
этотъ, по объясненію цензора издателя, былъ
запрещенъ не столько за то, что въ немъ сказа-
но, сколько за то, что упомянуто. Затѣмъ весь
сотруднившій сборникъ вѣнчался съ К. Аксаковымъ
были отданы подъ полицейскій надзоръ, —
„фактъ любопытный не только для характе-
ристики того времени, но и специально для по-
рога славянофильства. Онъ показываетъ, что въ
первое десятилетіе своего существованія сла-
вянофильство еще на столько мало опредѣлило
практическій характеръ своей доктрины, на
столько мало заявило себя на почвѣ фран-
цузской поддержки основъ русской жизни, что въ-
домства, наблюдавшія за образомъ мыслей, не
могли отличить благонамереннаго народничаго
отъ оппозиціоннаго демократизма.“ Въ 1859 году
умеръ отецъ Константина Сергѣевича, Сергій
Минорьевичъ. К. С. не перенесъ этой смерти,
впалъ въ злѣйшую галочку и сухотку безъ вѣдѣ-
нія физическихъ powodовъ къ тому, началъ
медленно умирать и умеръ буквально съ го-
ловки. Это тѣмъ болѣе поразительно, что К.
С. былъ атлетическаго сложенія и крѣпкаго

здоровья, за что был прозван одним тогдашним медиком „печенговым“. Наконец, К. С. скончался 7 декабря 1860 года вдали от родины, на греческом острове Занте. Сохранился рассказ о том, как его похоронили перед смертью один греческий священник за немилым русскому. Покойник Н. С. в „Рус. Архиве“ 1885 г. № 3 говорит: „грек, призванный к умирающему и спотыкнувшись по-просту справился с гробом, был изумлен похоронкой, приглашением и женской столь необыкновенного человека. Самым простодушным образом выразил он свое удивление и недоумение; он просил не брать у него похоронку всех близких этого человека и, главное, мать покойного. Ему хотелось ей передать и если не придеяться, то грек просил ее передать от него праведную скончавшуюся; еще не видывая похоронки привыкнуть такой вояры на земле. Он не прекращал своих расспросов: да кто же это был? Кто умер перед ним? — Ему отвечали, что это был К. С. Аксаков. И что же можно было сказать больше этого? —

Сочинения Н. С., изданные его братом Иваном Сергеевичем, предположены были изданы быть раздвоенными на 6 томов, из которых в первый том вошли исторический сочинения Константина Сергеевича, состоящие из отрывков статей, рецензий и т. д. В статье „об основных началах русской истории“ К. С. говорит, что Европейский го-

гударства основаны на завоеваніи, власѣ насильственно утвердились у покоренныхъ народовъ. „Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, невраждебною, но защитною и утвердилась съ согласіемъ народнаго.“ „Планивъ образъ, рабское чувство покореннаго легио въ основаніи западнаго государства; свободное чувство разности и добровольно призваннаго власти легио въ основаніи государства русскаго. Рабъ бунтуетъ противъ власти, имъ непонимаемой, бѣдъ вои его на него наложенной и его непонимающей. Человѣкъ свободный не бунтуетъ противъ власти, имъ понятой и добровольно призванной.“ Планивъ образъ, на западѣ всегда вражда, насиліе, рабство, а у насъ свобода, миръ; — въ чемъ заключается коренное различіе между Русью и западными государствами. Но еще сильнее стало это различіе, когда пришедшии сюда вернулись въры. „Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Странно въ такомъ родѣ говорить свое мнѣніе; но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заширавъ дана и истинный, дана и ложный путь въры, — первый — Руси, второй — западу.“ Между народомъ и властью, основанной на добровольномъ соглашеніи, должна быть полная довѣренность; гарантіи не должно быть, гарантія есть зло, по выраженію Аксакова.

Свобода народная выражалась сначала въ вѣ-
чѣ, а потомъ эти вѣча замѣнились земскимъ
сборомъ или думою, гдѣ спрашивали мнѣнія вы-
борныхъ отъ всѣхъ сословій; „они говорили:
мысль наша такова, а тамъ какъ бу-
детъ угодно государю“. Съ тою же доверен-
ностью, безъ всякихъ гарантій, какъ было при
началѣ исторіи, русскій народъ въ смутное
время передавалъ власть избранному всей землей,
Михаилу Федоровичу. Въ статьѣ своей „о Рус-
ской исторіи“ Константинъ Сергѣевичъ про-
водитъ различіе между исторіей Россіи и За-
пада. „Русская исторія, въ сравненіи съ исто-
ріей Запада Европы, отличается такою про-
стотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣ-
ка, привыкшаго къ театральнымъ выход-
камъ...“ „вы не встрѣтите въ ней (въ рус-
ской исторіи) ни одной этой красивой лжи,
которая заставляетъ человѣка любоваться
собою въ своемъ собственномъ порывѣ, гово-
рятъ фразы, щеголяютъ нарядами тѣла и
души. Въ русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гор-
даго, ничего блестящаго, ни единого эффек-
та, — все просто. Слово скупо; вы встрѣ-
тите его столько, сколько нужно для дѣла,
скорѣе даже меньше, чѣмъ нужно для дѣла.
Совершаютъ великія дѣла безъ щегольства
и хвастливости...“ Но русскій народъ не
спавъ и въ другую гордость, гордость сми-
ренія, въ гордость вѣрною, т. е. онъ не воз-
гордился тѣмъ, что живетъ вѣру. Нѣтъ,
это народъ христіанскій въ настоящемъ
смыслѣ этого слова, постоянно чувствую-

щей свою зрѣловость. Исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ, исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ по стремленію своей жизни." Но вотъ происходитъ переворотъ въ русской исторіи — при Петровѣ. Петръ хотѣлъ оторвать Русь отъ народныхъ основъ и пустилъ ее по ложному пути запада. „Петръ подчинилъ Россію вліянію запада; во всемъ извѣстное подражаніе западу доходило до неистовства. Отъ запада Россія принимала все, начиная отъ началъ до результатовъ, отъ образа мыслей до языка и покроя платья (исторически всегда начинала съ послѣднихъ и доходила до первыхъ). Горькое, горькое явленіе! Бѣдственное и униженное! Но благодареніе Богу — не вся Россія, а только часть пошла этимъ путемъ." Афанасову принадлежатъ еще статьи по поводу I, VI, VII и VIII тома по исторіи Соловьева и другихъ статей и сочиненій по русской исторіи. Статья его: „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскіхъ въ особенности" содержитъ въ себѣ главные выводы славянофильской школы объ общинномъ бытѣ въ русской исторіи. Здѣсь, въ этой статьѣ Константиновъ Сергѣевичъ говоритъ, что первые шаги въ изясненіи русскую исторію нѣмцы, только-вавшіе явленія русской исторіи съ своей неумолчливой точки зрѣнія; нѣтъ выводовъ одностороннихъ. Соловьевъ со своими послѣдователями, при всемъ своемъ желаніи самостоятельнаго пониманія русской исто-

рин, быть все-таки последователем ньюца Эверса (по поводу выхода 1 тома истории Соловьева, К.С. опровергает его теорию о родо-вом бытии). Аксаков доказывает, что не родъ, а семья была основой бытия Славянъ. Онъ говоритъ, что родъ есть безспорно первая ступень общесѣва, но такое естественное, первоначальное состояніе людей не есть бытіе; его исторію не поминать. Затѣмъ, приводя древнѣйшія извѣстія о Славянахъ, К.С. приходитъ къ заключенію, что у Славянъ издавна существовало общинное бытіе. Извѣстное сказаніе Челюска, „о судѣ Любичи“, приводимое Соловьевымъ въ подтвержденіе теоріи родового бытія, скорее можетъ служить доказа-тельствомъ общиннаго бытія и семейнаго начала. Затѣмъ, К.С. доказываетъ существованіе въ древней Руси семьи и общины на основаніи извѣстій летописи и русской правды. Кроме того въ современной терминологіи степеней родства мы видимъ доказа-тельство въ пользу семьи, а не рода. К.С. говоритъ: „Русскій народъ, такъ богато обставившій словами весь отношеніе семей-ная (деверь, золовка, невестка, шуринъ и пр.), не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu. Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Fratrie союзъ народъ употребляетъ составное слово-братъ двоюродный, т.е. двухъ родовъ. Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говоритъ онъ:—братъ родной; это было бы очень недостаточно, если бы слово родной

имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это
значитъ: братъ семьи, т. е. одной семьи (одного
рода). Это объясняется выраженіемъ: братъ
двояродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей.
Наконецъ, К. С. приходитъ къ заключенію, что

» Русская земля есть изначала наименѣе
патріархальная, наиболѣе семейная и наи-
болѣе общесѣвенная (именно обширная) земля. »

Теоретическія воззрѣнія Аксакова отра-
зились на характеръ его изслѣдованій; онъ
подбираетъ въ источникахъ тѣ мѣста, ко-
торые подходятъ къ его теоріи. Напри-
мѣръ, едва ли справедливо Аксаковъ ут-
верждаетъ, что въ Новгородѣ было монархи-
ческое начало. Затѣмъ, едва ли справедли-
во также, что на западѣ всюду борьба,
насилие, а у насъ миръ, согласіе: достато-
чно для этого указать на удѣльный періодъ;
достаточно вспомнить некоторые факты
изъ исторіи Новгородскаго вѣка, чтобы не
согласіе съ трюгаченскими единодуші-
емъ между вѣлами и княземъ, о кото-
ромъ проповѣдуетъ Аксаковъ. Въ исторіи
мысли Константина Сергѣевича въ смысле
основнаго взгляда на русскую исторію
заслуживаютъ вниманія. Благодаря ему
было обращено вниманіе на русскую народ-
ность, на ея особенности, данъ толчокъ
изученію русской этнографіи; и теперь мы
имѣемъ много цѣннаго матеріала для
изученія русскаго народа. Взгляды К. С.
на общинный бытъ представляютъ весьма
цѣлесообразное значеніе и опровергаютъ взглядъ

до Зверса и родовой школы.

Иванъ Дмитриевичъ Бѣляевъ.

Н. Аксаковъ не былъ пристрастенъ въ ученыхъ, былъ простымъ любителемъ науки. Бѣляевъ былъ профессоромъ русскаго законодательства въ Московскомъ университетѣ и кромѣ того секретаремъ въ Московскомъ Историческомъ обществѣ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить его сочиненія: Лекціи по исторіи русскаго законодательства и „Разказы изъ русской исторіи“ въ 4^х книгахъ: 1., русская исторія отъ призванія князей до Монгольского на; 2., исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до паденія; 3., Историческій очеркъ Мкова и 4., Историческій очеркъ Полоцкого княжества. Бѣляевъ старается излагать русскую исторію по областному методу, обращаетъ особенное вниманіе на внутреннее состояніе народа. Напримѣръ, первая книга его состоитъ изъ II разказовъ, изъ которыхъ 5 посвящены исторіи князей, а шестъ — внутренней исторіи русской земли. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе его взглядъ на первоначальное разселеніе русскихъ славянъ. Они двигались съ Дунай на сѣверъ и это не было завоеваніемъ, а только мирнымъ движеніемъ колонизаціи, такъ какъ они двигались не всею другою, а небольшими парціями и въ разлitchное время, следовательно могли поселяться на новой землѣ только съ согласія старожиловъ. Положеніе славянъ

въ чуждой странѣ были ненадежно, туземцы неодобри-
тельно смотрѣли на новыхъ сосѣдей. Благодаря
такому шаткому положенію, Славяне, могли се-
литъся не иначе, какъ укрѣпленными городами,
составляя союзы и общины, въ которые позволя-
лось поступать всякому, и чужеродцу, лишь бы
кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защи-
щать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; ја-
кимъ только образомъ, при такихъ условияхъ об-
щинной жизни, Славяне могли занять и ославя-
нить ту общинную страну, которая теперь на-
зывается Россіей. Раньше друшье почувствовали
необходимость въ общинной и городской жизни
Улича и Пиверцы; Новгородъ тоже имѣлъ
общинное устройство; „въ самомъ Новгородѣ
каждый улича, каждый конецъ составляли са-
мостоятельную общину съ своимъ управленіемъ,
съ своимъ общиннымъ уличанскимъ или конган-
скимъ старостами, а цѣлый городъ былъ союзомъ
частныхъ общинъ, управляемый народными
вѣщами и выборными начальниками.“ Улича
въ Новгородѣ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бѣль-
евъ, не была мертвымъ рядомъ дворовъ, вытяну-
тыхъ въ линію, а также, какъ и конецъ, сѣжав-
шая живую общину, члены которой составля-
ли тѣсный союзъ, связанный и бытовыми, и
нравственными интересами, и притомъ какой
союзъ, который имѣлъ юридическое значеніе,
признанное за ними закономъ. Отъ Новгород-
скаго вѣща зависѣли все пригороды общины въ
владѣніи Новгорода. Въ связи съ общиннымъ
бытомъ авторъ разсматриваетъ и колониза-
цію Новгородской вольницы; громадное значеніе

въ дѣлѣ колонизаціи имѣлъ здѣсь обычай такъ
 называемаго повольничества. Разказы о по-
 литическомъ бытѣ древней Руси написаны
 очень популярно, но болѣе интереса пред-
 ставляютъ разказы о внутреннемъ бы-
 тѣ. Здѣсь взгляды Бѣляева до некоторой
 степени подходятъ къ взглядамъ К. Акса-
 кова. Княжеская власть въ первый вре-
 мена русской исторіи, а вѣсть съ ней
 и дружина, ея орудіе, резко отдѣлялась
 отъ земщины, имѣла свое собственное
 устройство. Внутреннее управление зем-
 щины послѣ призваній Рюриковичей не-
 сколько не измѣнилось; у некоторыхъ пле-
 менъ остались даже свои преданіе князь,
 ставшіе подружниками Рюриковичей. Въ
 дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи были
 случаи болѣе или менѣе тѣснаго сближе-
 нія земщины съ княжеской властью,
 и это сближеніе удавалось тѣмъ легче,
 чѣмъ ослѣдствіе была какая-нибудь кня-
 жеская мнѣя въ извѣстномъ удѣлѣ.
 „Но болѣе или менѣе сближеніе кня-
 зя съ земщиной, говоритъ Бѣляевъ, не-
 сколько не развивало княжеской вла-
 сти; въ этомъ отношеніи внуки и
 правнуки Ярослава не опередили своихъ
 отцовъ, княжеская власть и при нихъ
 продолжала лѣзть, какъ бы на по-
 верхности русскаго общества и не про-
 никала въглубь.“ Затѣмъ Бѣляевъ по-
 подробно анализируетъ состояніе русска-
 го общества времени Русской Правды.

Большое значеніе въ уголовномъ правѣ того времени имѣли такъ называемыя верви. Объ устройствѣ и значеніи ихъ Бѣляевъ говоритъ: „Изъ закона о верви, внесеннаго въ тогдашнюю (т. е. до Владиміра Мономаха) Русскую Правду, ясно видно, что въ то время, какъ и прежде, Русская земля, кромѣ дѣленія на города и пригороды, погосты и села, еще дѣлилась на общества, носившія названіе вервей. Общества сіи были добровольныя, независѣвшія ни отъ мѣстности, ни отъ подчиненія той или другой власти, въ вервь каждый могъ вступать или не вступать по своему усмотрѣнію безъ всякихъ принужденій; такъ что въ одномъ и томъ же городѣ или селеніи жили рядомъ и тѣ, которые были членами верви и тѣ, которые не были членами верви; членомъ верви считался тотъ, кто вѣдомая въ вервь, кто обязался каждаго года платить въ общій капиталъ верви извѣстную сумму денегъ по общинной раскладкѣ, и до тѣхъ поръ былъ членомъ верви, пока платилъ сумму, слѣдующую съ него, и какъ скоро переставалъ платить, то вѣдъ за тѣмъ исключался изъ верви. Вервью называлось собственно общество, въ которомъ все члены были другъ по другу въ круговой поруки въ дѣлахъ по убійствамъ и крадамъ; такъ что если которому члену верви зачиненное или убійство приходилось

платить закономъ положенную пеню или
виру, то за него по раскладкѣ платили все
члены, состоящіе въ одной сѣнѣ вѣрви." Такого же характера отличаются
иссѣдованія Бѣльева по исторіи Новгоро-
да Великаго и Пскова; и здѣсь онъ болѣе
обращаетъ вниманія на внутренній бытъ
народа. Слабѣе другихъ его 4^й томъ „раз-
сказовъ". Здѣсь мы видимъ сличеніе Ли-
товскихъ формъ быта съ Полоцкими;
Литовскія учрежденія въ Полоцкѣ ав-
торъ ошибочно причисляетъ къ русскимъ.
Другой его трудъ „Лекціи по исторіи рус-
скаго законодательства" отличается
двумя особенностями: 1, Бѣлеевъ здѣсь
говоритъ, что исторія русскаго законода-
тельства не понятна безъ исторіи рус-
скаго общества. 2, Въ исторіи законода-
тельства онъ старается отлѣпить
русскія черты и прослѣдить вліяніе
иностранцевъ. Важное мѣсто зани-
маетъ его замѣчательное изсѣдова-
ніе: „Крестьяне на Руси". Этотъ трудъ
среди нѣмецкихъ критиковъ встрѣтилъ
нареканія, но онъ только не мѣняе и до
сихъ поръ представляетъ единственную
попытку систематическаго изложенія
исторіи русскаго крестьянства по памят-
никамъ русскаго законодательства.
Наконецъ, ему принадлежатъ рядъ ста-
тей въ журналахъ (между прочимъ въ
Временникѣ и въ Чтеніяхъ Московска-
го общества, издаваемыхъ подъ редакціей);

„О русских летописях“, „О земельном владении в Московской Руси“, „О старинной службе на окраинах Русского государства“, „О географических сведениях древней Руси XV в.“, „О земледелии“, „О дружини и земщине“, „О служилых людях Московского государства“, и „О русском войске“.

Лешковъ — третий представитель славянофильства, чистый юрист, профессор Московского университета. Ему принадлежит труд „Русский народъ и государство“, обладающий въ значительной степени снисходительным характеромъ. Лешковъ, подобно другимъ славянофиламъ, отделяетъ народъ и государство. Онъ говоритъ, что русской народности присуща одна идея, отличающая ее отъ западно-европейскихъ, — это идея общинности. Но идея эта можетъ быть развита только русскими людьми, путемъ изучения русскихъ памятниковъ. Эта общинность проявляется во всемъ ходе русской истории: въ древнейшемъ периодъ — въ формахъ вѣка, въ послѣдствии — въ формахъ земскихъ соборовъ, и наконецъ, въ самое послѣднее время — въ общинномъ землевладении. Въ древнейшемъ периодъ нашей истории идея общинности возникла потому, что русскими славянами, пришедшими съ Дуная и въ южные народы, приходилось употреблять общій языкъ въ дѣлѣ защиты, коллектив-

ными трудомъ обрабатывать землю. За-
тѣмъ Лешковъ ситдится за исторіей русской
поземельной общины въ послѣдующіе пері-
оды: во времена Русской Травды, Ман-
гольскаго ига; особенно тщательнымъ
фактическимъ анализомъ этикагого
его изслѣдованій о поземельной общинѣ
въ періодъ Московскаго государства (по
Писцовымъ книгамъ); система налоговъ,
характеръ поземельной собственности
прекрасно вынесены изъ Лешковымъ.

Кояловичъ - профессоръ С. Пе-
тербургской духовной академіи, напи-
салъ "исторію русскаго самосознанія"
или върнѣе - исторію русской истоп-
ріи, русскую истопріографію. Кояло-
вичъ прямо заявляетъ въ своемъ введеніи,
что онъ ярый поборникъ субъективной
школы въ русской истопріи, и поэтому
у него все проникнуто тенденціоз-
ностью. Онъ сильно защищаетъ славя-
нофильскій воззрѣній и съ точки зрѣ-
ній ихъ оцѣниваетъ мнѣнія другихъ
ученыхъ. Вообще этимъ сочиненіемъ
нужно пользоваться очень осторожно.
Другія его работы: 1, Литовская цер-
ковная унія и 2, Лекціи по истопріи
Западной Руси.

На рубежѣ народническаго славяно-
фильства и географическо-этногра-
фическаго направленія стоитъ
Афанасій Трокофьевичъ Щаповъ.
Библиографія: Аристовъ. А. П. Щаповъ
СПб. 1883. Козбиничъ. А. П. Щаповъ,

его жизнь и деятельность. Иркутск 1902.

Ученая деятельность Щаповича тесно связана с его личностью и поэтому необходимо познакомиться с его Биографией.

Афанасий Прокофьевичъ былъ родомъ сибирякъ. Отецъ его былъ дворяномъ села Анжи за Байкаломъ, Иркутской г. и женился на простой крестьянской девушкѣ буряткѣ. Афанасій Прокофьевичъ родился въ 1830 г. и раннее дѣтство провелъ въ сельской избушкѣ, среди крестьянскихъ мальчиковъ, такъ сказать, на лонѣ природы. На девятый годъ онъ поступилъ въ Иркутскую бурсу. Обстановка бурсъ и условий жизни въ ней были самымъ тяжелымъ. „Полубитый въ ушпикѣ, говоритъ Пристовъ, были тѣсныя и сырыя, полы грязныя и промерзныя во льношахъ мѣстахъ крысами, воздухъ знойный, отопленій почти совсѣмъ не полагалось даже въ зимнее время. Пища была самая грубая и въ малыхъ дозахъ, такъ что малышки по утрамъ мелкіе комтики чернаго хлѣба вырывали изъ рукъ другъ друга: такую нѣмнотайную порцію выдавали на каждаго!“ Учебная часть въ школѣ такъ же была обставлена очень дурно. Въ 1846 году Щаповъ перешелъ лучшимъ ученикомъ въ Салимарію, а по окончаніи въ ней курса онъ въ числѣ лучшихъ учениковъ посланъ былъ на казенный счетъ въ 1852 г.

въ Казанскую духовную Академію. Преподаваніе въ этой академіи отличалось въ то время схоластическими характеристиками, свѣтскихъ сочиненій (Пушкина, Гоголя и т. п.), а тѣмъ болѣе журналовъ, читать не позволялось и вообще господствовало цѣлѣ сторонны нахальства и робость, приниженность среди студентовъ. Но Щаповъ съ самаго начала резко выдѣлился своей беззащитной откровенностью: что было у него на улитъ, то и на языкъ, и всегда и предъ кѣмъ угодно; его речь отличалась прямотой, поведение было просто, искренно, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Въ свѣдѣніе духовной чистоты своей онъ не понималъ, что такое имитация, скрытность, лицемеріе; онъ даже не былъ чувствителенъ къ насмѣшкѣ, чего такъ боится молодежь". А. П. былъ очень преданъ занятіямъ и съ особенной страстью занимался исторіей. Въ изумлялись его усидчивости; онъ не выходилъ подолгу даже на улицу, не принималъ участія въ играхъ товарищей. Часы по 17 въ сутки проводилъ онъ за конторкой, такъ что отъ его сапоговъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга шопотомъ на это диво и углубленія прозвали ямами новаго столпника, бласвеннаго Афанасія. На младшемъ курсѣ Щаповъ слушалъ монгольско-калмыцкія

кий языкъ и буддійское вториченіе у своего земляка и тогда бурята по предложению, проф. Бобровникова, автора знаменитой монгольской грамматики. Было нѣсколько и другихъ лучшихъ ученыхъ силъ; напримеръ, въ то время русскую словесность читалъ извѣстный Покршевскій. Вообще академія благотворно повліяла на научныя занятія Щанова и дала ему большіе средства къ самостоятельности. Къ тому времени была переведена въ Казанскую академию Соловецкая бібліотека изъ Петербурга, куда она была прислана изъ Соловецкаго монастыря во время осады его Англичанами. Студентами было поручено описать эту бібліотеку, и они съ жаромъ знакомились съ ея многочисленными рукописями. На основаніи этихъ рукописей Щановъ писалъ статьи, появлявшіяся въ „Православномъ собеседникѣ“, который издавали при академіи. Особенное вниманіе обращалъ Щановъ на изученіе раскола; его диссертациа была посвящена этому вопросу и называется „Русскій расколъ старообрядства“. Онъ симпатически относился къ крестіянству. „Гордее сочувствіе къ русской народности, преслѣдованіе отечественныхъ интересовъ и всестороннее изученіе родной старины, проповѣдуемые славноносцами, окончательно утвердили

Щапова на избранномъ пути изуренія своеобразнаго міра русскаго народнаго духа и жизни. Въ годъ его окончанія курса стала выходить „Русская Бесѣда“ и др. Московскій изданія. Особенно въ эти годы онъ увлекался славянофильскими ученіемъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ ихъ круга. По окончаніи курса въ академіи Щаповъ былъ оставленъ при ней бакалавромъ. Вскорѣ послѣ этого онъ началъ преподавать тому пороку, который поучилъ его въ сѣдѣтвѣ, именно пьянству. Нужно замѣтить, что во время студентства Щаповъ былъ совершеннымъ аскетомъ и видѣтъ не мочь вина. Проведенная перемѣна была тѣмъ губительнѣе для него, что онъ съ крайнимъ пренебреженіемъ относился къ обстановкѣ, къ самому себѣ, къ практической, життѣйской мудрости и былъ очень нерасчетливъ. Неаккуратно онъ посещалъ лекціи въ академіи; одну лекцію тщательнѣе обрабатываетъ, а другую составляетъ на живую нитку. „Иногда появлялся Щаповъ на лекцію ни съ чѣмъ: придетъ, бывало, сильно стѣснитъ и скажетъ: „Ничего я, сегодня, сегодня не приготовилъ для лекціи; поговоримъ такъ о чемъ-нибудь“ и поведетъ съ студентомъ рѣчь объ ученіи, предметѣ; разговоръ тянулася спокойно и серьезно, какъ будто читалась въ самомъ дѣлѣ насто-

ящая лекція. Изъ такихъ неподготовлен-
 ныхъ бестудъ студенты выносили нередко
 то новыя воззрѣнія, то неизвѣстные или
 свѣдѣнія о мнѣшней жизни русскаго на-
 рода. Читалъ лекціи онъ очень быстро
 и съ большимъ увлеченіемъ, но былъ
 однимъ недостаткомъ въ немъ — необрабо-
 танность языка: „тяжелый и невоз-
 душный языкъ его всегда отличался
 шероховатостью и чуждостью, хо-
 тя носилъ на себѣ своеобразный отпе-
 чатокъ оригинальности; это была сво-
 его рода шаповищина, какъ окрестили
 его нѣкоторые студенты.“ Въ свободное вре-
 мя Шаповъ любилъ проводить время
 со студентами, принимать бестуды вра-
 щавшихся преимущественно на пред-
 метамъ науки. Эти бестуды оканчи-
 вались часто вышивкой. Скоро онъ
 до того привыкъ къ тому, что дальнѣйшая
 участь его была несомнѣнна. Въ это
 время онъ писалъ обыкновенно свое-
 му пріятелю, студенту 5 курса ме-
 дицинскаго факультета, Россову,
 законченную записку: „Россовъ, у-
 меня что-то въ родѣ delirium tre-
 мens.“ Россовъ являлся и скоро поправ-
 лялъ его. Благоутробное вліяніе
 на научныя воззрѣнія Шаповъ а-
 имѣло его знакомство съ доцентомъ
 Казанскаго университета Ешевскимъ.
 „Ешевскій часто и много толковалъ
 со Шаповымъ о колонизаціи сѣверо-
 рускаго исторіограф. 2 ч. лекц. проф. Багалъевъ листъ 35

восточнаго края и Поморья Россіи и указывалъ на соловецкія рукописи, какъ на драгоценный источникъ для разработки этого вѣчнаго вопроса". Поновъ, читавшій въ Казанскомъ университетѣ русскую исторію посылъ Ешевскаго, рекомендовалъ факультету на свое имя это Щапова. Въ это время А. Прок. особенно сильно увлекался славяно-филискими изданіями: „Когда, на-примѣръ, вышло въ 1858 г. сочиненіе Лемкова „Русскій народъ и государство“, онъ носилъ съ собой цѣлыя экземпляры и все совѣтовалъ студентамъ непре-мѣнно прочитать его, да и не разъ. Славянофиловскіе сочиненія установили окончательно его взглядъ на русскую исторію, въ которой должны обратъ-раться не одніе формы жизни и учре-жденій государственныхъ, но самъ на-родъ, какъ творецъ своего быта, выступи-ть на первый планъ, съ его отличи-тельными духовными чертами и особенными складами характера." Но раздѣляя взгляды славянофиловъ, онъ не считалъ себя послѣдователемъ ихъ ученій; онъ даже иногда какъ-будто боялся, чтобы его не назвали славянофиломъ. Изъ печатныхъ сочине-ній Щапова первымъ появилась ма-гистерская диссертация, которая имъ еще на студентской скамьѣ, подъ заглавіемъ: „Русскій расколъ старо-

обрядства, рассматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и градеданственности въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII в." Въ „Православномъ собесѣдникѣ" Щановъ напечаталъ съ 1858 г. по 1862 г. девять статей разнаго содержания и издалъ 9 памятниковъ русской исторіи, извлеченныхъ изъ соловецкой библіотеки. Все лучшее и зрѣлое было написано Щановымъ въ 1858-1861 годахъ, когда и студентъ относился требовательно къ его неискривнымъ лекціямъ, возставае противъ его скороспѣлыхъ выводовъ; и частотодобныя замечанія вліяли благотворно на научныя работы Щанова. Около этого же времени онъ создаетъ свою систему взглядовъ и историческихъ убѣжденій, привлечь особенное вниманіе обращалъ на начала народной жизни, на земскій складъ русской исторіи, особенно на начало образованій Россіи путемъ колонизаціи. Въ 1859 и 1860 годахъ вопросъ о колонизаціи развился шире во взгляды Щанова, постоянно занималъ его и сдѣлался основнымъ для образованій внутренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни. На немъ онъ старался основать урѣдочный и областной порядокъ, отрасти управленій и суда, общественной экономіи и прог. Такъ, по его выводамъ,

пути колонизации началось самообразо-
вание областных земских общинъ
съ ихъ самоуправлениемъ. Вслѣдствіе
земскаго саморазвитія и самоустрой-
ства, организовалась селская община,
городская община, уѣзды, станъ и волость;
последній дѣлений имѣли сначала хозяй-
ственно-промышленное значеніе, а по-
томъ административное. Границами
уѣздовъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣле-
ній служили рѣчные системы или окра-
ины разработанной земли, „покашивать
топоръ, соха и коса ходили“. Имѣя въ виду
естественное возникновеніе внутрен-
няго областного строя на основѣ исто-
рико-географической, Шаповъ въ то же
время придавалъ болѣе значеніе пле-
меннымъ особенностямъ народонасе-
ленія, считая историко-этнографиче-
скій элементъ основой земскаго строенія.
На историко-этнографической основѣ,
при земской самобытности областныхъ
общинъ, созданъ кооперативный со-
юзъ всей земли русской. Начала наро-
довѣтій или земско-общиннаго устрой-
ства служили основой для свободнаго
склада всего юридическаго и политическа-
го быта Россіи. 1, Въ мелкихъ общинахъ
явилась мирская сходка или міръ, селская
сходка, громада, мирское собраніе у раско-
льниковъ; 2, въ городскихъ или болѣе или
мѣнѣе видныхъ сходки на душу, на вѣка, въ
другихъ мѣстахъ сѣимы, рады, казачьи круги;

3, связующими собраниями городских и сельских сходов служили областные земские съезды, и 4, наконец, для связи всех областей явился „съезд всей земли“ или „земский собор“. Въ концѣ 1860 года Щаповъ сталъ читать лекціи въ университетѣ, и его вступительная лекція, подъ названіемъ „общій взглядъ на исторію великорусскаго народа“ произвела громадное впечатлѣніе на слушателей своей силой убѣжденій и вѣрковенной рѣчью. Съ этого поръ Щаповъ считался „идоломъ“ студенческой массы; аудиторіи другихъ профессоровъ пустѣли, когда происходила лекція Щапова. Но такая, быстро приобретенная популярность, можно сказать, поубила Щапова. Онъ началъ открыто говорить о некоторыхъ вопросахъ и современныхъ порядкахъ съ такой свободой, какъ будто цѣло и цѣль о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Онъ былъ обязанъ студенческими рукоплесканіями и не подозревалъ, что эта дешевая слава куплена цѣной самостоятельности ученыхъ изслѣдованій и занятій и что не онъ теперь будетъ руководить занятіями, а студенты будутъ указывать ему на предметъ чтеній. Роковымъ событіемъ для Щапова было возмущеніе крестьянъ въ селѣ Безднѣ Спаскаго уѣзда Казанской губерніи по поводу манифеста 19 февраля. Въ одной изъ казанскихъ церквей была отслужена панихида по убитымъ въ

этомъ возмущеніи, а Щаповъ сказалъ по
 этому поводу рѣчь, послѣ которой онъ былъ
 отправленъ въ Петербургъ въ III отдѣленіе.
 Здѣсь онъ принесъ чистосердечное раскаи-
 ніе, былъ прощенъ и принятъ на пору-
 ки тогдашнихъ министровъ иностран-
 ныхъ дѣлъ Вацетвынъ, который сдѣ-
 лалъ его чиновникомъ по раскольничь-
 имъ дѣламъ и позволилъ заниматься
 научными изслѣдованіями. Несмотря
 на такой суровый жизненный опытъ, Ща-
 повъ остался съ тѣмъ же чуждою стѣн-
 въ своемъ характерѣ и обращеніи съ людь-
 ми, какъ и прежде. Такъ, напримеръ, онъ
 безцеремонно обращался и даже выгонялъ
 изъ своей квартиры петербургскихъ симе-
 наровъ, приходившихъ съ нимъ знакомить-
 ся. Относительно убѣжденій и воззрѣній
 Щапова нужно прежде всего сказать, что
 онъ въ продолженіи всей своей жизни горячо
 отстаивалъ и превозносилъ народъ, скор-
 бѣлъ объ его угнетенномъ состояніи. Особен-
 но ярко эта скорбь выразилась въ его статьѣ
 (въ 1862 г.) „Благданская грусть“. На Сибирь
 онъ смотрѣлъ, какъ на страну высокаго
 образованія и прекрасной жизни сравнитель-
 но съ Европейскою Россіей. Впрямь идеали-
 зация народа, и въ частности высокое мнѣ-
 ніе о Сибири и Малороссіи, являются у него
 результатомъ того, что онъ былъ знакомъ
 со всѣмъ этимъ только по книжкамъ или
 по самымъ раннимъ дѣтскимъ воспомина-
 ніямъ и онъ самъ разочаровывался въ

нъ некоторыхъ предметахъ при столкновении
 съ жизнью. Щаповъ участвовалъ въ разныхъ
 журналахъ различныхъ направлений. Дѣло
 въ томъ, что ему трудно было примкнуть
 къ какому-нибудь опредѣленному направле-
 нію; нужно было поддѣлываться подъ тре-
 бованія и вкусы журнала, перекладывать
 содержание статей во вкусъ современныхъ
 интересовъ. Въ 1862 г. онъ познакомился съ
 дѣвицей Меленушкиной, которая со-
 лгалась потопить его мечтой и была для него
 настоящимъ ангеломъ хранителемъ,
 оберегала и, по крайнѣйшей мѣрѣ, старалась
 охранить его отъ губительнаго порока, не
 смотря на грубые выходы съ его стороны
 и даже иногда побои — конечно въ пѣломъ
 видѣ; она сопровождала его въ Иркутскъ,
 куда онъ былъ сосланъ въ 1864 г. Во время
 пребыванія въ Петербургѣ Щаповъ почув-
 ствовалъ недостатокъ своего образованія,
 такъ какъ онъ не былъ знакомъ съ естествен-
 ными науками. Въ свойственные ему увлече-
 нія онъ сталъ знакомиться съ сочиненіями по
 естественнымъ наукамъ и не приобрѣтъ еще
 основательнаго знакомства съ ними, сталъ
 прилагать ихъ выводы къ ходу русской исто-
 ріи, и выводы его дѣлались отъ этого незрѣлы-
 ми и слишкомъ поспѣшными; такими, имен-
 но, характерными отличаются всѣ его ста-
 тьи, написанныя или не столько на основа-
 нии фактическихъ данныхъ, сколько изъ ис-
 слѣданій оправдать выводы или естествозна-
 ній ходъ русской исторіи. Въ подобныхъ стать-

Якъ широкость его слога выступаетъ особенно ярко: онъ словно налезаетъ на такіе термины, какъ „зоолого-экономическій“, „умственно-изобрѣтательный“, „теолого-пантеобитическій“, „сенсуально-фетицистическій“ и т. п. Въ напечатанныхъ во время пребыванія Муанова въ Петербургъ статьяхъ и его принадлежатъ: „Великорусскія области и смутное время“ (О. З. 1861 г. № 10, 11.); въ „Русскія слова“ (1865 г.) напечатана и изда- на отдельной брошюрой статья: „Естественное и народная экономика. Историко-географическое распределение народонаселенія въ Россіи“; затѣмъ ему принадле- жатъ статья: „этнографическая организація русскаго народонаселенія“ (Библиотечка ГИИ т. 1864. - 1); продолженій не было). Муановъ продолжалъ писать и въ Сибири. Между прочимъ сюда принадлежатъ его статьи „соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ (СПб. 1870 г.) „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи“ (Извѣстія СПб. общества Рус. геогр. Общ. 1872 года т. III № 3, 4, 5); „Историко-географическія замѣтки о Сибири. Значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири“ (Изв. Сиб. Г. О. 1873 г. № 2).

Въ Иркутскѣ Муановъ не нашелъ того „образованнаго общества“, о которомъ онъ раньше мечталъ. Младенца общественной дѣятельности не находила у него выхода, его публичныя лекціи оставались въ болѣе или

ство незамыслили, и это сильно огорча-
ло Щапова. Материальное положение Щапо-
вых ухудшилось в Иркутскѣ еще болѣе,
такъ какъ статьи, посылаемыя или въ Пе-
тербургскіе журналы, оказывались часто не-
состоятельными, вѣздствие отсутствія
въ нихъ фактическаго матеріала и боль-
шой растянутости, и часто присылались
обратно, или значительно утѣзывались.
При такомъ безнадёжномъ положеніи Ща-
повъ еще болѣе сталъ погружаться въ
меланхолическое, сдѣлавшись слишкомъ грубъ и нетер-
пимъ, но настойчивость и энергія его су-
пруги сдѣлали то, что онъ въ 70-хъ годахъ
совершенно пересталъ пить. Но вотъ умер-
ла его супруга и Щаповъ сдѣлавшись еще прак-
тиче предвѣдѣю, подозрительнѣе и нетерпи-
мѣе; онъ снова занялся горь, впасть въ не-
оплатные долги и страшную нищету. Онъ
долженъ былъ иногда приходитъ къ знако-
мымъ и просить, чтобы его накормили хлѣ-
бомъ; наконецъ, онъ умеръ почти съ голода
въ 1876 году въ Февралѣ. На сколько бездѣла-
сно къ нему было Иркутское общество,
видно изъ того, что оно узнало о его смер-
ти, когда уже онъ давно лежалъ въ могилѣ.
Такая своеобразная біографія Щапова дол-
жна была отразиться и на его ученыхъ
трудахъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ
по своему характеру и значенію тремъ
эпохамъ его жизни. Въ свою очередь и пер-
вая эпоха — Казанская можетъ быть раз-
дѣлена на три периода. 1. ч. лекц. проф. Багалъа Листъ 86

дѣлена на 2 части. Подъ вліяніемъ академическаго воспитанія онъ былъ проникнутъ монашескимъ аскетизмомъ, извѣстными церковными традиціями, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ событія изъ русской исторіи. Въ первое время его исключительно интересуютъ событія изъ церковной исторіи, и статьи его печатались въ „Православномъ собесѣдникѣ“; между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе его статья: „согдѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи“; она заключаетъ много выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей. Наиболѣе выдающаяся его статья: „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта не свободныхъ людей“; она написана горячо и обратила на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что имѣла современный интересъ, такъ какъ совпала съ временемъ подготовительныхъ работъ къ освобожденію крестьянъ. Щаповъ старается защитить здѣсь права духовенства на владѣніе крестьянами, но защита вышла искусственна и неудачна; она вызвала въ то время рѣзкія опроверженія въ „Современникѣ“. Затѣмъ, есть еще одна статья Щапова, которая и до сихъ поръ имѣетъ значеніе и написана почти исключительно на основаніи выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей, отличается живыми изобразженіемъ, чувствомъ и энергіей, но въ соціальномъ имѣетъ не мало мелкихъ ошибокъ имѣетъ; статья эта носитъ заявленіе: „попеченіе отечественной церкви о выку-

тренинги благоустройства русского гражданского общества въ XIII-XV в. " Въ некоторыхъ изъ перечисленныхъ сѣхъ статей проглядываютъ зачатки того направленія, которое онъ выработалъ въ послѣдствіи. Къ этому же времени относится его „программа исторіи русскаго народа". Въ ней Щаповъ даетъ планъ своего университетскаго курса. Программа изложена кратко, не отличается систематичностью, выдержанностью, имѣетъ пропуски, какъ всякій краткій конспектъ, но и въ ней преобладаютъ излюбленные вопросы, надъ которыми тогда и позже работалъ Щаповъ. Но славу Щапова составило его сочиненіе „Русскій расколъ старообрядства" — его магистерская диссертация. Ему принадлежатъ двѣ статьи историко-географическаго и историко-этнографическаго характера. Въ „Русскомъ словѣ" (за 1865 годъ) помѣщена его статья: „историко-географическое распределение народонаселенія". Здѣсь Щаповъ между прочимъ высказываетъ мысль, что хозяйство народное имѣло „ловецкій" характеръ: непосредственная, дикая, зоологическая экономія водъ, львовъ, воздушныхъ сферъ въ земско-хозяйственномъ устройствѣ и географическомъ распределеніи народа, всецѣло преобладала надъ національно-промышленнымъ хозяйствомъ народа. Охотничій, хищнический, или, по выраженію древнихъ актовъ, „ловчій, ловецкій" характеръ промысловъ и поселеній преобладалъ надъ умышленно-изобрѣтатель-

ныи, интеллектуальныи, промышленныи направленийъ". Затѣмъ онъ указываетъ на то, что хозяйство древней Руси состояло въ различныхъ путяхъ и уходилахъ боброничьихъ, бортничьихъ, рыболовныхъ, сокольниковыхъ, кречетныхъ и т. п. Въ этихъ промыслахъ все было богатство народа и государства. При всеобщей бѣдности въ дѣтскихъ платили подати натурой, преимущественно мѣхами „лижкою ружьяго". Если хотѣли опредѣлить чье либо богатство, то выражали его въ количестве мѣховъ, по преимуществу собольихъ. Мѣха давали въ долъ, мѣхали и расплачивались. „Подарки и постанники государни и посланцы, говоритъ Шаповъ, даже субсидии европейскимъ дворянамъ состояли изъ мѣховъ". Но съ теченіемъ времени ловческіе промыслы начинаютъ приходить въ упадокъ. Шаповъ указываетъ на привилегіи упадка: „Съ истребленіемъ лѣсовъ и, вѣроятно того, съ уменьшеніемъ дикихъ звѣрей и бортныхъ пчелъ, съ ограниченіемъ, обмеленіемъ водныхъ бассейновъ и усиленнымъ выловомъ рыбы изъ этихъ ограниченныхъ бассейновъ, съ уменьшеніемъ дикихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ и проч. начали древній, первоначальный зоолого-экономическій основы поселеній и влѣсто нихъ неминучемо должны были мало по малу изыскиваться новыя сферы народныхъ промысловъ и вырабатываться новыя формы и основы поселеній". Только въ Сибири продолжали еще и до сихъ поръ продолжаютъ находить поддержку куст-

ровъ, непосредственно натуральныя основы поселений. Въмѣсто предѣльныхъ промысловъ начинается развиваться скотоводство или земледѣліе. Причиной упадка предѣльныхъ ловчихъ промысловъ служитъ, такимъ образомъ, хищнический характеръ ихъ, а съ другой стороны — увеличеніе народонаселенія. Въ „Библиотекѣ для чтенія“ (1864г. №1; продолженій не было) — находится статья Щанова: „этнографическая организація русскаго народонаселенія“. Въ этой статьѣ онъ проводитъ общій взглядъ на обрусеніе инородцевъ русскими колонистами, или, наоборотъ, — на вырожденіе русскихъ и подчиненіе ихъ инородческому типу (объясненіе многихъ сибирскихъ поселенцевъ — русскихъ, принявъ утратившихъ даже языкъ, одежду и т. д.). Авторъ только обѣщаетъ дать въ слѣдующей статьѣ фактический очеркъ историко-этнографической организаціи русскаго народонаселенія по областямъ. Въ началѣ упомянутой статьи авторъ говоритъ: „едвали есть въ Европѣ государство, гдѣ бы не было большаго или меньшаго сѣмшенія расъ и племенъ. Но можно положительно сказать, что во всей Европѣ не найдется другое государство, которое заключало бы въ себѣ столько самыхъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ, какъ Россія. Какое множество и какая пестрота красокъ, означающая разные племена и расы! А вѣдь эти этнографическія краски означаютъ жизнь, означаютъ кровь, которая непрерывно приливала въ обширную и открытую равнину

ну русскую со всех сторон и преимущественно съ востока и сивалась и доселя еще сивается съ однимиъ организмами развивающагося русскаго народа, образуя новыя ткани, новыя формы, сложивъ все его новое напостаніе, народоупождение. Въ русскую равнину ведетъ „великая проходная дорога народовъ изъ мировой проходной страны центральной нагорной Азіи“; проходъ по этому пути, народы осылали въ обширной русской равнинѣ; съ теченіемъ времени поэтому почти прошли въ нынѣшнюю Россію и Сибирь четыре главныя расы: славянская, финская, тюркская и монгольскія; всѣ эти племена долгие были приѣхали въ столкновение, стали смешиваться, скрещиваться и сивались въ одну расу. Изъ этихъ четырехъ расъ вышли почти исключительно только два наиболѣе сильныя племена: славянское и монгольское (татары). Въ этой статьѣ Щановъ старается приложить выводы естественныхъ наукъ къ русской исторической жизни. Это стремленіе Щанова еще болѣе проявилось въ его сочиненіи: „соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“; это очень неудачная попытка объяснить условія умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа послѣ Петровской реформы.

§ 23 Историко-географическое направленіе.

Разработка русской исторической географіи началась у насъ очень рано. Щановъ, Костомаровъ и др. только старались придать этому вопросу теоретическое обоснованіе, опре-

дѣлать путь, по которому должна идти наука русской исторической географіи. Русская историческая географія въ лицѣ Зверса, Сума (датскаго изслѣдователя и географа) и друг. обратила вниманіе на древнѣйшій періодъ русской исторіи. Книга Сума относится къ инородцамъ. Знаменитый Рострентъ, финскій изслѣдователь, совершившій путешествіе въ финскія области, посвятилъ рядъ статей исторіи и этнографіи финновъ. Затѣмъ появились рядъ другихъ изслѣдованій по финской этнографіи. Оріенталистъ Григорьевъ, въ сборникъ „Россія и Азія“ помѣстилъ рядъ статей, преимущественно о Хазарахъ и Кимскихъ Булгарахъ. Одесскій профессоръ Брунъ издалъ сочиненіе „Черноморье“ въ 2-хъ томахъ. Въ немъ заключается цѣлый рядъ статей по исторической географіи Новороссійскаго края, начиная съ скифскаго періода, затѣмъ продолжая Венеціанско-генуэзскимъ и кончая запорожскимъ. Изслѣдованіе Бруна отличается глубокимъ знаніемъ фактовъ, многочисленнымъ матеріаломъ; о всѣхъ вопросахъ онъ трактуетъ по первымъ источникамъ. Почтеніе его книги, въ силу именно громадной массы матеріала, сопряжено съ затрудненіями. Академія наукъ цѣнила достоинство его трудовъ: ему присуждена Цваровская премія. Ивану Дмитриевичу Бѣляеву принадлежитъ сочиненіе: „о географическихъ извѣстіяхъ въ древней Русіи“ (съ IX—XV в.), напечатанное въ запискахъ императорскаго географическаго общества за 1852 годъ книга VI. Первая глава обнимаетъ періодъ

съ IX по XII вѣкѣ; вторая съ XII до XIV в. и третья съ XIV по XV вѣкѣ. Характеръ и содержаніе этого сочиненія таковы: Бѣляевъ обращается къ непосредственнымъ источникамъ нашихъ географическихъ свѣдѣній, главнымъ образомъ къ лѣтописи, и отсюда въ хронологическомъ порядкѣ выбираетъ матеріалъ. Благодаря такому способу изысканій мы получаемъ полный обзоръ историко-географическихъ свѣдѣній, но этотъ матеріалъ явится не только не обработаннымъ, но даже онъ не систематизированъ. Правда, авторъ, начиная съ XII вѣка, приурочиваетъ матеріалъ къ отдѣльнымъ княжескимъ областямъ, но это приурочиваніе чисто внѣшнее. Это, впрочемъ, объясняется цѣлью автора, которая состояла не въ объясненіи, а въ констатированіи богатства нашего историко-географическаго матеріала. Изложеніе отлагается полнымъ образомъ, обобщеній нѣтъ. Трудъ Бѣалева представляетъ простую выборку фактовъ. Замѣсь мы находимъ полный перечень всѣхъ городовъ, упоминаемыхъ въ русской лѣтописи съ попытками опредѣленій ихъ лѣтисности. Въ 70-хъ годахъ появился новый трудъ профессора по русской исторіи въ Варшавскомъ университетѣ, Барсова подъ названіемъ: „Черки русской исторической географіи“. Этотъ трудъ представляетъ замѣчателное явленіе въ русской исторіи; книга эта до появленія труда Замысловскаго представляла единственное болѣе или менѣе систематическое сочиненіе, посвященное вопро-

самъ русской исторической географіи. Онъ же-
лаетъ изучить русскую историческую географию
только нашей первоначальной лѣтописи, т. е. до
12 вѣка, и далее въ этихъ узкихъ прѣделахъ его
задача недостаточно ясно опредѣлена, и въ этомъ,
можно сказать, недостатокъ книги Барсова. Онъ
постоянно колеблется между двумя различны-
ми задачами: то иногда кажется, что онъ изу-
чаетъ только объемъ данныхъ лѣтописи; то
кажется иногда, что задача его изучить самую
географическую извѣстность лѣтописи въ связи съ нѣ-
которыми другими. Благодаря этому измѣня-
ется первоначальный планъ автора, его трудъ
расширяется, но терпитъ въ систематично-
сти, опредѣленности изложенія. Книга Барсо-
ва раздѣлена на 8 главъ: 1) общая характери-
стика лѣтописи, какъ памятника географиче-
скаго, и разборъ данныхъ лѣтописи о древ-
нѣйшихъ народахъ и разныхъ бассейнахъ, об-
ластяхъ, находящихся здѣсь; 2) Географическа-
я связь между разнородными населеніемъ
восточно-европейской равнины. Общая этно-
графическая понятія лѣтописца; 3) спеціаль-
но посвящена анализу извѣстій лѣтописи
о разныхъ племенахъ кучевыхъ, о разселеніи
луди, о воги, мери и т. д. 4) здѣсь начинаются
извѣстия о славянахъ, анализируются
данные о западныхъ, южныхъ и восточныхъ
славянахъ; общая свѣдѣнія о переселеніи
русскихъ славянъ съ Дунай, о разселеніи ихъ
по восточно-европейской равнинѣ, раздѣле-
ніи ихъ на племена и соединеніи похъ властью
русская исторіогр. 24. лекц. проф. Багалъдъ мѣръ 34

руси; объ отношеніи земель къ княжескимъ волостямъ и удѣламъ; 5) разборъ историко-географическихъ извѣстій о хорватахъ, Шверцахъ, Члехахъ, Дулебахъ и т.д. 6) о славянскихъ вѣтвяхъ на югозападномъ побережьи Днѣпра; объ итѣхъ Древлѣхъ, Поляхъ, Дроговичехъ и т.д.; о княжесствахъ, образовавшихся здѣсь; 7) славянское население на восточной сторонѣ Днѣпра; о стверянахъ, радимичахъ, Вятичахъ, о черниговскомъ княжествѣ и т.д.; 8) о кривичахъ и новгородскихъ славянахъ; объ колонизаціонномъ характерѣ новгородцевъ; объ ихъ колоніяхъ. Ростовско-суздальская земля; отношеніе новгородцевъ къ Кіеву.

Содержаніе книги Барсова очень обстоятельно и подробно. Онъ разбираетъ подробно данныя летописи, даетъ нѣсколько вѣрныхъ комментариевъ къ этимъ извѣстіямъ. Для того, чтобы объяснить этотъ матеріалъ, онъ долженъ былъ прибѣгать къ другимъ источникамъ, независимо отъ начальной летописи. Такими источниками на первомъ планѣ являются летописный свѣдѣтельства XII и XIII вѣка, т.е. областныя летописи. Такое пользованіе матеріаломъ вполне законно и рационально. Географическія данныя отличаются гораздо большимъ консерватизмомъ, чѣмъ сама исторія. Даже настоящая географическая номенклатура отличается очень древнимъ происхожденіемъ, тѣмъ болѣе это можно сказать о XIII или XII вѣкѣ. Другимъ матери-

аимъ, кромѣ лѣтописей, является для Барсова географическая номенклатура, т. е. названія рѣкъ, урочищъ, городовъ, сохранившіеся до настоящаго времени. Этотъ источникъ отличается небольшою устойчивостью, болѣею непредвѣленностью. Правда, въ этихъ именахъ иногда слышится очень отдаленное ихъ происхождение. Если, напримеръ, обратимся къ территории харьковской губерніи, то открываемъ указанія на существованіе здѣсь хозарскаго элемента, найдя селенія Перентьговъ (новый Бѣлгородъ, или „Перентьги“ Волганакаго уѣзда) Покровъ (въ названіи Мора). Понимая самое нужно сказать о Поволжьи: здѣсь географическія названія указываютъ на присутствіе финскаго элемента. Однимъ словомъ, современная географическая номенклатура — очень важный матеріалъ для объясненій древнихъ извѣстій. Напримеръ, знаменитый путешественникъ Ходковскій уже въ свое время обратилъ въ болѣе вниманіе на эту географическую номенклатуру. Барсовъ пользуется этой номенклатурой, особенно по болѣе темнымъ вопросамъ: относительно границъ между отчужденными племенами и отчужденными кидисецами. Барсовъ, желая опредѣлить эти племенные границы, пользуется географическими именами, и его выводы заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, но не всѣ, конечно, отличаются въполнѣ достовернымъ характеромъ. Нередко авторъ пользуется также историко-археологическими данными. Этотъ матеріалъ — весьма важный

и, по нашему мнению, даже больше валимый, т.е. современная географическая номенклатура, но ишь Барсовъ пользуется дажеко недостаточно. Сочинение Уварова „О мерянскомъ бытѣ“ ясно указываетъ, какое значеніе могутъ имѣть данныя археологическія для опредѣленія границъ между племенами. Если у каждаго племени была своя область, своя культура, то археологическія данныя могутъ имѣть громадное значеніе. Въ сочиненіи Барсовъ не воспользовался этими матеріалами. Барсовъ не имѣетъ въ виду этого круга понятій, опредѣляемыхъ словами „русская историческая географія“. Л. Н. Майковъ въ своихъ „замѣткахъ по географіи древней Руси“ (по поводу сочиненія Барсова „Очерки русской исторической географіи“) говоритъ, что Барсовъ въ своемъ сочиненіи касается только предметовъ, которые „примамбливаютъ къ чисто описательной части географіи, къ топографіи, иногда къ одной ильбто географической номенклатурѣ и ильб отчасти касаются вопросовъ этнографическихъ, или же проникаютъ во внутреннее содержаніе науки землѣвѣденія“. Вообще землѣвѣденіе, по опредѣленію Диттера, говоритъ Майковъ, должно разсматривать отношеніе вѣншей природы къ человѣку, и это отношеніе должно показывать историческая географія; она должна выйти за предѣлы простаго описанія.

„Вышесть съ тѣмъ историческая географія должна изобразить и воздѣйствіе человѣка на природу, его борьбу съ нею, формы этой борьбы, т. е. разные виды культуры, которой человѣкъ подвергаетъ окружающую его

органическія и неорганическія тѣла и, наконецъ, результаты ея для населенія". „Изъ всей массы разнообразныхъ географическихъ условій, говоритъ д-ръ Майковъ, имѣющихъ отношеніе къ его предмету, г. Барсовъ избралъ только два, о которыхъ и сдѣлать нуденный сообщитъ нѣсколько соображеній. Именно — устройство поверхности восточно-европейской равнины и ея орошеніе. Но и изъ этихъ двухъ вопросовъ, чрезвычайно очень важныхъ, только второй разсмотрѣнъ авторомъ съ нѣкоторой полнотой". Барсовъ, на примѣръ, не говоритъ о характерѣ лѣса, о вліяніи его на характеръ сѣверо-восточной колонизаціи; онъ не говоритъ о границахъ лѣса и поля, о происхожденіи южно-русскихъ степей, о черноземѣ; не говоритъ о центрально-плоскогоріи восточно-европейской равнины, покрытой „сковскими" лѣсами, а между тѣмъ, онъ могъ бы указать на значеніе этого плоскогорія, какое оно имѣетъ въ распределеніи водной системы и т.д. и т.д.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Извѣстій Вольно-экономическаго общества" напечатана обширная статья петербургскаго профессора палогіи, Докучаева о русскаихъ черноземѣхъ, въ которой ставится вопросъ о томъ, были ли когда-нибудь лѣса на мѣстѣ нынѣшней черноземной почвы и если были, то каково происхожденіе нашего чернозема. Существовало мнѣніе о томъ, что этоны черноземъ есть остатокъ древнѣйшихъ лѣсовъ, есть, такъ сказать, пережитокъ ихъ. Но точныя геологическія изслѣдованія показали, что онъ есть передній мелкой травы, кустарника, ковыля,

тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ южная русская растительность отличается, именно, этими характерами; въсто и въсовъ попадаются реки, имѣющія характеръ острововъ среди обширной степи южной Россіи; преобладаетъ здѣсь, главнымъ образомъ, луговая растительность. Барсову принадлежитъ еще и другая книга — „географическій словарь русской земли“. Съ содѣланіемъ „Очерки русской географіи“ Барсова, вышедшіе вторымъ изданіемъ, не имѣютъ обѣщаннаго продолженія и такимъ образомъ, для повѣдней эпохи нашей исторической жизни мы должны пользоваться изслѣдованіями частнаго характера. Вопросъ о географіи въ учебно-въчебномъ періодѣ разрабатанъ по частямъ довольно обстоятельно въ такъ называемыхъ областныхъ монографіяхъ. Изъ сочиненій по этому періоду нѣкоторые выдѣляются значительнымъ присутствіемъ въ нихъ этого историко-географическаго элемента. Таковы трудъ Дашкевича: „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“; это скорѣе историко-географическое изслѣдованіе; авторъ излагаетъ главнымъ образомъ мѣстоположеніе этой области. Дашкевичу принадлежитъ честь въ первый разъ опредѣлить положеніе Болоховской земли, ея границы. Сочиненіе Толубовскаго посвящено спеціально вопросу о нашихъ импортурахъ: Печенѣгахъ, торкахъ и Половцахъ исторіи южныхъ степей съ половины XI до половины XIII в.; это сочиненіе очень цѣнное, составленное по первымъ источникамъ. Еще ранѣе Аристовъ напечаталъ работу

„о землях Половецкой“, где, на основании указаний летописи, старается определить географическіе предѣлы этой земли. Топузовско-му принадлежитъ честь открытія боевыихъ границъ южно-русскихъ княжествъ и половецкой земли. Онъ старается доказать, что про-мѣ пограничныхъ городовъ существовали еще, такъ называемыя, боевыя границы, т. е. линии, по которымъ ходили русскія сторожи и быть мо-жетъ древніе русскіе станичники, такъ какъ отношеніе древне-русскихъ земель къ половецкимъ было такое же, какъ въ послѣдствіи отношеніе московскаго государства къ татарамъ. Онъ опредѣляетъ топографію половецкой земли, такъ называемыя „зимовища“ и „литовища“. Затѣмъ говоритъ о бродникахъ, берладникахъ. Для на-шей древней географіи и этнографіи имѣетъ большое значеніе вопросъ объ отношеніяхъ тюркскихъ и русскихъ племенъ на югѣ. Конеч-но, не все его выводы могутъ быть приняты въ науку, но тѣмъ не менѣе онъ даетъ по запро-снутому имъ вопросу много вѣрныхъ обра-женій. Для XV и начала XVI столѣтій мы имѣ-емъ классическую работу профессора петербур-скаго университета Замятнова: „Гер-берштейнъ и его историко-географическіе въ-зрѣнія о Россіи.“ Это сочиненіе, подобно труду Барсова отличается систематическимъ характеромъ. Авторъ поставилъ себѣ за-дачей: выбрать и объяснить географическія възрѣнія у Герберштейна; для того, чтобы сдѣлать ихъ понятными, онъ ставитъ его въ связь съ извѣстіями болѣе раннихъ писа-те-

лей. Въ книгѣ Замясловскаго мы находимъ
 данныя о животныхъ, о растеніяхъ, о климатѣ,
 о почвѣ, о дикомъ животномъ, полную картину
 историко-географическихъ данныхъ. Эти
 данныя сопоставлены у Замясловскаго съ
 тѣми географическими свѣдѣніями, какія
 въ то время существовали въ Западной Ев-
 ропѣ, то есть сущела первая попытка
 сравнительной географіи. Къ той же области
 относятся тѣ труды, которые затрогива-
 ютъ только одинъ вопросъ исторической
 географіи. Это, именно, труды по исторіи
 русской колонизаціи. Сюда относятся:
 трудъ Ойрсова, посвященный колонизаціи
 Камскаго края; мои труды — по исторіи ко-
 лонизаціи Новороссіи и Слободской Украины;
 Теретянковича — по исторіи колонизаціи
 Поволжья; Скамковскаго, по исторіи за-
 селенія Новороссіи; Миллера, Ойшера, Сло-
 цова, П. Н. Буцинскаго, Сибори. Особое мѣ-
 сто въ подобныхъ работахъ занимаютъ
 такъ называемыя историко-статистиче-
 скія описанія разныхъ епархій. Среди
 подобныхъ „описаній“ выдѣляется описа-
 ніе харьковской и черниговской епархій
 извѣстнаго церковнаго писателя Офи-
 царета, бывшаго архіепископомъ Харь-
 ковскимъ и черниговскимъ. Особенно за-
 мѣчательно его описаніе харьковской епар-
 хіи. Мы имѣемъ еще историко-статисти-
 ческое описаніе Екатеринославской епархіи
 пресвѣщеннаго Феодосія и т. п. Всѣ эти опи-
 санія отличаются однимъ характеромъ:

они представляют собраніе матеріала и влѣ-
сть съ тѣмъ нѣкоторый слабый опытъ сис-
тематизаціи; они стоятъ на рубежѣ между
простыми сырыми матеріалами и историче-
скими пособіями; даютъ свѣдѣній историче-
скій, топографическій, этнографическій, гео-
графическій, археологическій и статистиче-
скій. Этими же характерами отличается и
описание харьковской губерніи. Здѣсь мы нахо-
димъ свѣдѣній о времени основанія городовъ
Харькова, Сумъ и др., указаній на разные уро-
члища; здѣсь собранъ богатый запасъ свѣдѣній
о курганахъ; попадаются данныя этногра-
фическаго и наиболѣе богатый данныя ста-
тистическаго характера. Сюда же можно
отнести изданіе офицеровъ генеральнаго шта-
ба, гдѣ найдешь много топографическихъ и ис-
торическихъ данныхъ. Затѣмъ, сюда от-
носятся списки населенныхъ мѣстъ евро-
пейской и азіатской Россіи. Нѣкоторыми
областями и мѣстностями покастми-
вилось въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ
другими; особенно много было говорено о Сиби-
ри, къ которой относится масса старыхъ
трудовъ. Въ нихъ мы находимъ обилѣный
матеріалъ не только по исторіи Сибири,
но и по географіи. Есть еще одна работа
(извѣстнаго историка Н. И. Костомарова),
въ которой поставленъ теоретически во-
просъ „объ отношеніи русской исторіи къ
географіи и этнографіи“; но въ ней трак-
туется объ отношеніи русской исторіи къ
русс. исторіогр. 2 ч. лекц. проф. Багалъя листъ 38

этнографии.

Въ заключение считаю полезнымъ из-
ложить мои desiderata въ области рус-
ской исторической географии; это рѣчь,
читанная на VII археологическомъ съѣздѣ
въ Ярославль (1884 г.). Нужно замѣтить,
что древній періодъ — до XV в. въ историко-
географическомъ отношеніи разработанъ
гораздо лучше посильными — московскими
и императорскими. Знать многое оказы-
вается вовсе неизвестнымъ, другое — неяснымъ,
третье — невторично разъясненнымъ; но през-
радой даивнѣйшей разработки являетелеку-
дость источниковъ, которую восполнить
нельзя; необходимо довольствоваться на-
мѣтнымъ запасомъ данныхъ и стараться
изучить ихъ возможно полнѣе и обстоя-
тельнѣе. Мы имѣемъ прекрасную обработ-
ку историко-географическаго матеріала
нашей древней лѣтописи въ извѣстномъ
трудѣ профессора Варшавскаго универси-
тета Барсова, но нельзя не пожалѣть, что
эта работа не продолжена и что такими
же образомъ не разсмотрѣны областныя
лѣтописи XII, XIII и XIV вѣковъ; работа и. д. Бѣ-
льева „о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древ-
ней Руси“ устарѣла и не удовлетворяетъ
современныхъ требованій. Затѣмъ нельзя
не пожалѣть, чтобы кто-нибудь исполнилъ аналогич-
ную работу по отношенію къ иностраннымъ
писателямъ о древней Руси, такъ какъ трудъ
Аделунга отличается преимущественно би-
блиографическимъ характеромъ. Работа эта

потребуется много труда, критического таланта, начитанности, но результаты могут получиться весьма важные. Вопросы о наших инородцах и о характере колонизации больше или менее обстоятельно разработаны в сочинении Толубовского, Корсакова, Иловайского и др. и теперь следовало бы собрать уже общую сводку. Таковы наши подвешания относительно древней княжеской Руси. Несравненно больше нужно собрать для московского и императорского периодов нашей истории. Нам предстоит изучить и территорию московского государства и его этнографию. До сих пор как в этом, так и в другом отношении собрано очень мало; необходимо познакомиться не только с этнографическими особенностями русского племени, но и с бытом инородцев и их отношением к нам; необходимо проследить историю постепенного распространения русского государства в связи с историей русской колонизации. Если теперь мы припомним, что собрано в литературе по этим вопросам, то придется к очень печальным заключениям: есть хорошая работа, но их к сожалению очень немного. На первом плане нужно поставить не так давно вышедшее сочинение профессора Е. Замыслова „Герберштейн и его историко-географический сводный“, которое представляет такую же важность для московского периода, какую книга Барсова — для древнего княжеского. Содержание его шире заглавия: в нем мы находим обзорные известию всех важнейших

иных иностранцев, писавших о Московии въ XV-XVI столѣтіяхъ. Анализъ сочиненій этихъ иностранцевъ далъ возможность профессору Замясловскому представить географическій условій быта Москвы и ея областей. Можно только поджелать, чтобы работа Е. Е. Замясловскаго имела себѣ продолжателій, чтобы такимъ же образомъ были анализированы сказанія иностранцевъ XVII и XVIII вѣковъ. Не менѣе, если не болѣе еще необходимо точно также систематически изучить источники туземные - летописи, акты и т. п. Между тѣмъ до сихъ поръ не изданы самый важный русскій источникъ, заключающій въ себѣ свѣдѣнія исключительно географическія - свѣдѣнія о московскомъ государствѣ XVII в. - я раздѣлю въ томъ извѣстную Знаку Большаго Чертежа. Было бы очень полезно вѣковъ издать этотъ памятникъ и изслѣдовать его на основаніи появившихся за послѣдніе 40 лѣтъ историко-географическихъ матеріаловъ, такъ какъ комментаріи предѣльных издателей во многихъ мѣстахъ оказываются несостоятельными и могутъ быть исправлены и дополнены при помощи извѣстныхъ топографическихъ данныхъ; тогда только можно будетъ опредѣлить вѣтъ тѣхъ извѣстности, которыя упоминаются въ книгѣ Чертежа, какъ это удалось сдѣлать въ подину Огородникову относительно сѣверной Россіи и ширѣ относительно Донецкаго бассейна. Но и кромѣ книги Большаго Чертежа найдется немало памятниковъ, которые имѣютъ важное историко-географическое значеніе (напримѣръ, хождение въ Крымъ Мамкина и Зотова въ 1681 году)

и требуютъ научнаго изслѣдованія. Больше всего ра-
ботъ посвящено исторіи колонизаціи. Зрѣльс мы
имѣемъ почтенные труды г. г. Сирцова, Перетят-
ковича, Адринцева, Соколовскаго, Скалковскаго
и нѣкоторыхъ другихъ. Но не смотря на это,
мы все таки еще далеки отъ рѣшенія вопроса
о характерѣ русской колонизаціи этого времени
вообще. Только тогда удастся намъ его рѣшить
во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исто-
рію заселенія всѣхъ вадимѣйшихъ областей на-
шего государства, а теперь работа только что на-
чалась. Намъ нужно будетъ имѣть обстоятель-
ную исторію заселенія Сибири въ связи съ эт-
нографіей ея инородческаго населенія; намъ ма-
ло извѣстна даже исторія колонизаціи съверо-
восточной европейской Россіи. Также самое
нужно сказать о нашемъ юго-восточномъ, юже-
номъ и юго-западномъ пограничьи — Уралѣ, Ку-
бани, Донѣ, Новороссіи, Правобережной и Лѣво-
бережной Украйнахъ. Что касается XVIII вѣка,
то о немъ нечего и говорить: такъ мало еще сох-
рано для этого періода и такъ много прецесто-
итъ сохлать впереди. Наконецъ, необходимо
задатися цѣлью систематическаго изученія
исторической этнографіи инородцевъ, имен-
но тѣхъ, которые имѣли значительное вліяніе
на нашу историческую жизнь. Это, напри-
мѣръ, нужно сказать о татарахъ. Являет-
ся настоятельная потребность въ изученіи
татарско-русскихъ отношеній въ XVI и XVII
столѣтіяхъ. Эта потребность очевидно
чувствуется многими; это ясно видно изъ
того, что въ послѣднее время Император-

ское Русское историческое общество издало целый томъ документовъ (подъ редакц. Т. Карпова), указывающихъ, уясняющихъ намъ отношенія татаринъ къ Московскому государству въ XV и отчасти въ XVI ст. И действительно, чѣмъ внимательнѣе изучаешь относящуюся сюда исторички, тѣмъ яснѣе представляется роль татарскихъ ордъ въ нашей исторіи XVI и XVII в. Все, нами сказанное, относится къ предметамъ древней Руси и Московскаго государства; но мы не смѣемъ также игнорировать той Руси, которая съ XIV в. и далее нѣмнѣе стала мало по малу переходить подъ власть вел. кн. Литовскаго и сдѣлалась источникомъ его политическаго могущества и культурнаго значенія; я говорю о Малой и Бѣлой Руси, который сохранили неприкосновенной драгоценнѣйшее наслѣдіе прошлаго — своего вѣку и народности. И вотъ, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, каковы были географическіе предѣлы территоріи, занятой русскими народами въ исторической Польшѣ; а этотъ вопросъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ другимъ — кто былъ истиннымъ колонизаторомъ упомянутой во времена Батыева нашествія, южной Руси. Правда, польскіе историки на этотъ вопросъ даютъ опредѣленный отвѣтъ: они заявляютъ, что эту цивилизаторскую миссію выполнили Польшки; но едва ли такое мнѣніе соответствуетъ исторической действительности; по крайней мѣрѣ въ этомъ заставаютъ насъ цѣлѣнный документальный данныя — изданные кievской вре-

менной комиссией, акты о колонизации юго-западной России и только что передъ этими напечатанный польскими историками Яблоновскимъ иллюстраціи королевскихъ замковъ; самъ Яблоновскій, впрочемъ, дѣлаетъ широкіе соображенія и новыя выводы. Не менѣе важно для насъ и историко-этнографическое изученіе южно-русской и бѣлорусской народностей; намъ нужно изучить и опредѣлить тѣ особенности ихъ, которыя выработались всего совокупностью историческихъ обстоятельствъ и географическихъ условій ихъ жизни, а не одни только польскими вліяніемъ, какъ утверждаютъ некоторые. Поставивъ цѣлю своего изученія всю Русь, мы не оставили, конечно безъ вниманія и Галицкой Руси, будемъ продолжать историко-географическія работы, начатыя поч. членомъ и директоромъ ея - Я. В. Головацкимъ и другими.

Таковы вѣснѣйшіе desiderata, которыя можно высказать относительно главнѣйшей разработки русской исторической географіи. Главное вниманіе мы должны обратить, какъ видно отсюда, на Московско-Литовскій періодъ нашей исторіи. Но для того, чтобы получить дѣйствительно вѣрные результаты, необходимо приступить къ систематическому изученію того громаднаго историко-географическаго матеріала, который еще не изданъ и находится въ нашихъ архивахъ и другихъ хранилищахъ рукописей. Изслѣдователь историко-географическихъ вопросовъ часто не можетъ себѣ составить и приблизительнаго понятія о томъ, что онъ найдетъ въ томъ

или иномъ архивѣ. Знали ли все мы до изданія прекрасной книги Н. Н. Оглобина: „Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., хранящихся въ книгахъ Разряднаго приказа“, — сколько драгоценныхъ документовъ по русской исторической географіи находится въ архивѣ Министертва Вѣстницъ? Знали ли мы, что въ бѣлихъ книгахъ Разряднаго архива мы найдемъ богатѣйшій матеріалъ, заключающій въ себѣ топографическія свѣдѣнія о городахъ, описанія рубежей и утѣдныхъ населенныхъ мѣстъ, данныя объ естественныхъ произведеніяхъ и гидрографіи, а также остаточныя населенія разныхъ областей Московскаго государства? Въ междутѣхъ и теперь еще остаются неописанныя столбцы Разряднаго архива, въ которыхъ мы найдемъ не менѣе, а можетъ быть еще большіе подобныя данныя; по крайней мѣрѣ, какъ самому пришлось извлечь не мало ихъ изъ неописанныхъ Оглобинскихъ столбцовъ Бѣлгородскаго стола; а сколько ихъ заключается еще въ московскіе, владимірскіе и другіе столы? Мало того — Разрядный архивъ составитъ только небольшую часть архива вѣстницъ. Тисцовыя и другія переписныя книги хранятся въ другомъ отдѣленіи архива, точно также какъ и сенатскія етъла; необходимо и имѣть етъла въ обозрѣніи не маперъ „Обозрѣній“ Оглобина; это было бы полезно во всехъ отношеніяхъ и, междупрочимъ, могло бы приблизить насъ къ рѣшенію вѣчнаго вопроса о способахъ изда-

ния писцовыхъ книгъ. Въ архивъ министер-
 ства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сосредоточены
 дѣла стариннаго посольскаго приказа, нахо-
 дится также громадное количество истори-
 ко-географическихъ матеріаловъ; здѣсь же
 найдены были и самыя старинныя писцо-
 выя книги; здѣсь же, наконецъ, хранятся
 извѣстные портреты Шмелера, въ которыхъ
 собраны весьма важные сибирскія дѣла.
 Немало цѣнныхъ документовъ мы найдемъ въ
 архивѣ Главнаго штаба и другихъ столичныхъ
 архивахъ. Не менѣе насильно возбуждаетъ ру-
 кописный отдѣлъ Императорской публичной
 библиотекы. Богатѣйшій матеріалъ для исто-
 рической географіи южной, южной и западной
 Руси мы найдемъ въ литовской метрицѣ, кото-
 рая находится теперь въ вѣдѣніи московскаго ар-
 хива министерства юстиціи и составляетъ въ
 немъ самостоятельный отдѣлъ. Но не ограничи-
 ваясь центральными хранилищами, мы дол-
 жны будемъ произвести розысканія въ област-
 ныхъ и въ провинціальныхъ архивахъ. Тутъ же,
 какъ не въ нихъ искать матеріаловъ для исто-
 рико-географическаго описанія разныхъ обла-
 стей и губерній? Кіевскій, Виленскій и Витеб-
 скій центральные архивы хранятъ драгоцен-
 нѣйшіе источники для изученія историческа-
 го прошлаго территоріи и народности южной
 и западной Руси. Недавно возникшіе помыслы
 покойнаго Н. В. Кадыкова губернскіе архивы, так-
 же навѣрно заключаютъ въ себѣ много до-
 кументовъ историко-географическаго характе-
 ра. Пусть будетъ приведенъ въ извѣстность

весь этот материал и, таким образом, изыскателями и историками узнают, что у них есть дома и что нужно искать в центрах; с другой стороны, такие указатели историко-географических материалов приходится и присылать, так сказать, ученым, живущим в центрах.

Для издания документов необходимо их предварительное изучение; досих пор в деле издания элемент суровости играл, к сожалению, очень важную роль; ученые губернской комиссии не могли впасть в такую ошибку и потому пусть раньше они изучают свои материалы и тогда уже займутся систематическим изданием их; историко-географические материалы составят в этом случае отдельную, самостоятельную группу; к документам, извлеченным из историко-губернского архива, можно было бы присоединить и те материалы, которые хранятся в центральных архивах и относятся к данной местности; таким путем удобнее всего было бы издать и писцовые книги разных губерний России; иначе они не увидят света многие годы, если не десятилетия. А когда количество материала увеличится и он будет обработан ученым образом, тогда можно будет приступить к составлению подробного историко-географического словаря и историко-географического атласа. Мы имеем теперь три атласа русской истории: Ахматова, Павлищева и Замысловского (выпущившего уже 3^е издание). Из этих трех атласов наиболее удобен для справок

атласъ Замяшова; онъ составляетъ середину между ученымъ пособіемъ и учебнымъ атласомъ. Кроме того атласъ Замяшова въ позднейшій изданіи заключаетъ объясненія картъ, помѣщен- ныхъ въ атласъ (всѣхъ картъ — 22). 1-я карта восточная и средняя Европа въ IX и X столѣтіяхъ. Вторая карта — русская земля съ половины XI до половины XIII вѣка; третья карта — русская земля въ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, и такъ далѣе, — всего восемь картъ по русской исторіи. Къ содѣянію характеръ атласа, не то учѣ- ный, не то учебный, ищетъ и въ которыхъ недо- статки. Для того, чтобы быть ему учебнымъ, его объясненія слишкомъ сухи, спеціальны, а съ ученой точки зрѣнія его трудъ можетъ быть подверженъ строгой критикѣ. Авторомъ не приняты во вниманіе многія сочиненія, которые дали бы ему возможность опредѣ- лить и границы русскаго государства, его об- ластей и такъ далѣе. Не воспользовался онъ, напримеръ, картой, приложенной къ моему труду, къ сочиненію Бѣллева. Неудовлетвори- телюна его карта Сибири. Невозможно у него разобратъ какова была Сибирь въ XVI, XVII и XVIII вѣкѣ. Также можно сказать и относитель- но другихъ частныхъ картъ: они имѣютъ та- кой характеръ случайный. Кроме этихъ атласовъ, нужно указать на три географическихъ сло- варя, гдѣ заключаются историко-географи- ческія данныя. Старый словарь Шекатова, затѣмъ Венцова и географическій словарь русской земли Барсова (историческій). Впро- чемъ уже далѣе въ XVIII в. былъ словарь

Татищева, составленный на основании свѣдѣній, доставленныхъ разными лицами.

§ 25. Историко-археологическое направление въ русской исторіи.

Археологическое направление въ русской исторіи тѣсно связано съ историко-географическимъ. Давно у всѣхъ изыскателей русской старины явилось стремленіе увеличить кругъ новыхъ данныхъ, расширить наши познанія въ эту область. Тамъ, гдѣ оканчиваются свѣдѣнія литературныхъ источниковъ, письменныхъ памятниковъ — являлись на помощь памятники вещественные. Таково происхожденіе русской историко-археологической школы. Ваденскій ие представителіи ея: Забѣлинъ и графъ Уваровъ. Для нашей цѣли вадено прежде всего прослѣдить археологическое направление въ работахъ, относящихся къ историческому періоду русской жизни. Яснѣе все оно проявилось въ изысканіяхъ Забѣлина. Самоука, не получившій не только высшаго, но даже, кажется, и среднего образованія, начавшій свою дѣятельность писцомъ въ одномъ изъ архивовъ, онъ выдвинулся благодаря своему громадному таланту и въ настоящее время состоитъ заведующимъ историческимъ музеемъ въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ своихъ ученыхъ трудовъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, раскопка знаменитаго чертомышскаго кургана, гдѣ найдено много вещей скифскаго періода. Забѣлинъ — наиболѣе извѣстный московскій историкъ, наиболѣе видный пред-